

Обе стороны не уступали.

— Успокойтесь! Успокойтесь! — кричали двое полицейских, оказавшихся в центре толпы, на которых сыпались брызги слюны.

Су И понял, что, кроме как кричать о спокойствии, больше ничего не оставалось. Теперь всё, что он говорил, казалось, тонуло в этом шуме.

Су И вздохнул. Это было слишком сложно.

В этот момент сторона, которая должна была деньги, внезапно переключилась на них. Одна из женщин, около тридцати лет, которая, видимо, была лидером, накинулась на Су И с криками:

— Вы что, полицейские, вообще ничего не делаете? Почему вы не уводите этих людей с нашей стройки? Почему позволяете им здесь бесчинствовать?

Су И: «...»

Су И был так ошарашен её криками, что на мгновение потерял дар речи. Он мягко объяснил:

— Пожалуйста, не нервничайте. Давайте так: несколько человек от каждой стороны поедут с нами в участок, чтобы мы могли разобраться в ситуации.

Женщина в гневе ответила:

— На Новый год в участок? Это же такое несчастье! Нет! Вы, уводите этих людей!

Она указала пальцем на нос Су И и громко крикнула:

— Не уводите? Тогда знайте, я знаю ваше начальство! Какой у вас номер? Завтра же вас уволят!

Су И, который терпеть не мог такие угрозы, быстро подошёл ближе, показывая свой номер:

— Сестра, вот, шестизначный номер, можете записать.

Женщина на мгновение замерла, а затем начала ругаться:

— Завтра же тебя уволят, сволочь!

Прежде чем полицейский, который уже выглядел жалко, успел что-то сказать, сторона рабочих, более простая и прямолинейная, не выдержала и выступила вперёд:

— Вы должны деньги, разве не так? Никогда не видела таких наглых женщин, которые ещё и угрожают!

— Что ты сказал?

— Именно это! Такая бесстыдная!

Когда женщина замахнулась, чтобы ударить, ситуация накалилась до предела. Су И и Симэнь поспешили вперёд, используя свои тела как щит, одной рукой держа дубинки, чтобы блокировать обе стороны, которые уже готовы были начать драку. Они громко кричали:

— Успокойтесь! Успокойтесь!

Но их крики не имели никакого эффекта.

Пока Су И размышлял, не стоит ли сменить слова или кричать громче, раздался громкий звук «пах» — это был звук удара ладонью по лицу. Всё на мгновение замерло. В темноте все пытались понять, кто же ударил.

Обе стороны смотрели друг на друга, и на пять секунд воцарилась тишина. Все были рады, что это не они оказались жертвой. В этот момент Су И заметил, что Симэнь держится за лицо. Оказалось, что в темноте он случайно получил пощёчину. Увидев, что его друг пострадал, Су И понял, что теперь это уже не просто спор, который можно урегулировать. Он подошёл к Симэню и спросил:

— Кто?

Симэнь, покраснев, указал на ту самую кричащую женщину. Су И уже хотел развернуться, как вдруг сзади его обхватили чьи-то руки, крепко держа его. Су И не мог двигаться. Человек, который держал его, был лет пятидесяти. Увидев, что Су И собирается забрать женщину, он крепко держал его и кричал толпе:

— Полицейские бьют людей!

Су И: «...»

Симэнь: «...»

Если до этого люди сдерживались из-за того, что силы были равны, то теперь эти слова стали искрой, которая подожгла порох.

Особенно те, кто находился на периферии и не понимал, что происходит, боялись, что их сторона пострадала, и решили вмешаться, чтобы восстановить справедливость и заодно посмотреть, что происходит. Ведь обе стороны были против этих двоих, и они не могли сделать ничего серьёзного, тем более что это были полицейские, а не бандиты, и они точно не стали бы хвататься за ножи.

Психология толпы быстро распространилась, и люди начали тесниться к центру. Те, кто находился в центре, ещё могли немного разобраться в ситуации, но теперь, когда отступить было некуда, а их толкали сзади, они начали сталкиваться. Конечно, кроме этих двух полицейских, которые выглядели прилично, остальные не были красавцами, и эти вынужденные контакты не воспринимались как что-то приятное. Конфликт разгорался всё сильнее, и ситуация стала крайне хаотичной.

Двое полицейских оказались полностью зажатыми и не могли пошевелиться. Даже руки, держащие дубинки, были сжаты так, что их нельзя было поднять, не говоря уже о том, чтобы размахивать ими. В этот момент Су И решил отказаться от попыток размахивать дубинкой в воздухе и вместо этого начал осторожно двигать рукой, чтобы достать из пояса секретное оружие — слезоточивый газ, также известный как «перцовый баллончик».

Это оружие было способно вызвать слёзы у всех, кто находился в радиусе метра, а после двух вдохов вызывало ощущение, будто горло горит. Три вдоха, и человек начинал кричать от боли. Су И осторожно достал цилиндр, украдкой посмотрел на него, чтобы убедиться, что он не направлен на его лицо, как спрей от солнца, и нажал на кнопку, словно распыляя средство от

насекомых.

Конечно, это оружие не различало своих и чужих, и Су И, зная это, сразу же закричал Симэню:

— Закрой рот!

А сам задержал дыхание, прищурился, чтобы минимизировать контакт с этим веществом.

Вокруг Су И люди не поняли, что произошло, но вдруг почувствовали, как нос начинает щипать, а глаза — жечь. Сделав вдох, они ощутили, будто их внутренности горят, и начали разбегаться, закрывая глаза.

Толпа, словно поле кукурузы, по которому прошёл ураган, начала рассеиваться. Су И одной рукой прикрыл нос, а другой, моргая от боли, дал знак Симэню:

— Отступаем!

Двое, держа в руках «средство от насекомых», прикрывая рот и нос, продолжали распылять газ, прокладывая себе путь к свободе.

Добравшись до безопасного места, они оглянулись на толпу. Люди, корчась от боли, разбегались в разные стороны. Единство, которое было ранее, исчезло, ведь никто не знал, насколько опасен этот газ, и каждый думал только о своём спасении.

Они не покинули место происшествия. Су И сразу же позвонил начальнику:

— Шеф, нам нужна помощь! Симэня ударили!

— Что? Ждите! — начальник, услышав, что его подчинённого ударили, был в ярости.

Затем Су И позвонил Му Чэню. Тот, услышав о ситуации, тоже разозлился и сказал:

— Держитесь, я сейчас приеду!

Су И и Симэнь сели в полицейскую машину и стали ждать подкрепления. Глаза всё ещё горели. Су И с чувством вины посмотрел на лицо Симэня. Тот был ещё молодым парнем, полным энергии, и получить такую обиду было для него тяжело. Су И видел его покрасневшую щеку и глаза, полные невинности и беспомощности. Не знаю, из-за ли перцового газа или чего-то ещё, но в глазах Симэня, казалось, блестели слёзы. Су И почувствовал комок в горле и с трудом спросил:

— Щека ещё болит?

— Не так сильно, просто обидно. — Симэнь горько усмехнулся.

Да, в жизни самое обидное — это, пожалуй, получить пощёчину. Лучше бы драка была, чем терпеть такой удар, особенно когда нельзя ответить тем же, ведь в полицейских инструкциях нет такого приёма, как «дать пощёчину».

Обиду и унижение приходится глотать. Су И больше ничего не сказал. Иногда, надев эту форму, приходится смиряться. Они молча сидели в машине.

Люди на стройке разошлись, но немногие покинули место. Ведь этот конфликт не решил их

проблем, и, выпустив пар, они всё равно вернулись к вопросу денег. Даже если они не получат их, посмотреть ещё немного на это зрелище было не лишним.

Су И и Симэнь остановили полицейскую машину у входа на стройку и смотрели в темноту. Менее чем через 20 минут впереди замигали красные и синие огни, и звуки сирен заполнили небо. Огромная колонна машин подъехала к ним. Этот вид заставил двоих, которые до этого были в растерянности, чуть не заплакать от радости.

<http://bllate.org/book/16252/1461822>